

В.В. Никульцева

Последний катаклизм

Впервые напечатанное в альманахе «Денница» в 1831, стихотворение написано не позднее 1829. В прижизненные издания стихотворений Тютчева не включалось.

Запечатленная всего в четырех строках, идея произведения выражена поэтом ясно, автологично. Пластично нарисованная картина землетрясения, «последнего часа природы», напоминает сюжет Апокалипсиса. Но трагичность будущего смягчается легким штрихом поэтической кисти Тютчева — изображением Божьего лика на глади вод. Тонко проведенная поэтом антитеза «незримое бытие — отображение Бога» подталкивает читателя к мысли о слепости современных людей, которые могут прозреть, получить «духовные очи» только в единении с природой, только после своего воскресения.

Тютчев, живо и остро ощущая движение истории, философски-поэтически осмысливает современную ему эпоху. Он проводит параллель между трагическими социальными катаклизмами и катаклизмами природными. Как взрыв в обществе может привести к необратимым последствиям, гибели несметного количества живых душ, так и природные силы, природная стихия способна к саморазрушению. Но и то и другое, по мысли Тютчева, совершается по воле Бога и рука человека не в силах остановить карающую десницу. Это поэт тонко-интуитивно чувствует. «Трагическое чувство неотвратимости катастрофы Тютчев выразил в конкретных образах природы», — отмечает В. Коровин. Отсюда стремление поэта к образам-символам бури, грозы, ночи и т. д. Но не все произведения пейзажной лирики Тютчева насыщены символическими атрибутами социальной катастрофы. К подобным стихотворениям относится и «Последний катаклизм». «Тайные нити, умом непостижимые, связуют человека с матерью, его родившею, с матерью-землей. Но и она умрет и придет в цикле обречения туда, откуда изошла...» — так трактует идею небольшой тютчевской зарисовки А. Луганов. Идея эта выявляется путем анализа тематического, композиционного и языкового планов художественного целого.

Написанное 5-стопным ямбом стихотворение оформлено в виде катрена. Перекрестная рифмовка и несложный синтаксис строк придают поэтическому произведению форму сентенции, хорошо запоминающейся мысли философа. В 1–3-м стихах рифма женская, во 2–4-м — мужская, точная. Заключенное в 4 строки, сложное предложение с союзной и бессоюзной связью формально распадается на две части: первая часть сложного целого представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным времени (*Когда пробьет час... состав разрушится*), вторая же конструкция — сложносочиненное предложение, выражающее временную последовательность (*покроют воды... лик изобразится*). Структурные части следуют друг за другом по модели «действие — результат»; мысль автора идет в направлении от иррационального предположения в настоящем к будущему, в котором произойдут предсказанные изменения. Синтаксис определяет и пунктуацию, которая, в свою очередь, выстраивает мелодику, интонационный рисунок поэтического творения Тютчева. Интонации стихотворения только восходящие, что обусловлено постановкой таких знаков, как запятая и двоеточие, а также восклицательный знак, придающий оттенок торжественности и приподнятости раздумьям автора.

Конкретные образы в «Последнем катаклизме» найти трудно. Весь дух тютчевского произведения, его глубоко философская природа оправдывает применение стилистически нейтральных и книжных слов. Высокую, книжную, окраску имеют такие формы и выражения, как фразеологизм *пробьет последний час* (умрет), отглагольное существительное *состав*, субстантивированное причастие *зримое* (от устар. *зреть* — смотреть, видеть) — то, что видимо глазом, доступно зрению; высокое торжественное существительное *лик*.

Глаголы *пробьет*, *разрушится*, *покроют*, *изобразится* и прилагательные *последний*, *земных*, *Божий* нейтральные, относятся к межстилевой лексике. Строение предложения также соответствует книжному стилю. В 1–3-м стихах привлекает к себе внимание инверсия, которая заметнее во 2-й строке (*состав частей... земных*) и менее ощутима в 1-м и 3-м стихах (*пробьет... час; зримое... покроют воды*), где подлежащее акцентируется выносом в конец конструкции и на него приходится логическое ударение.

О намеренной звукописи стихотворения говорить не приходится. Но трудно не обратить внимания на особую звучность глаголов, достигаемую наличием в них энергичных, жестких согласных [б'], [з] и [р]. Среди гласных во всем фонетическом строе текста доминируют [о] и [а]. Это придает словам произведения величественность и силу.

Этот маленький перл философско-пейзажной лирики Тютчева, эта глубокая сентенция написана удивительно пластичным языком, поражающим своей лаконичностью и глубиной. «Последний катаклизм» — напоминание всем нам о быстротечности и бренности бытия, в котором человек лишь «зримая песчинка» в океане сущего, созданного Творцом.

«Религиозное сознание Тютчева не представляется ясным и гармоничным, как вера Жуковского. Ему — пантеисту — близко хаотическое состояние мира. Его воображению рисуется конец творения... — резюмирует А. Луганов мысли по поводу “Последнего катаклизма”. — Глубочайшая сложность психологии Тютчева и его торжества заставляет быть очень осторожным в исследовании его мировоззрения, но глубокая, быть может, своеобразная вера поэта несомненна».